

# ТЕОРИЯ ПРАВА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

Ю. А. Веденеев\*

## ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

**Аннотация.** Название статьи и выбор темы навеяны прочтением работы итальянского историка, культуролога и семиотика Умберто Эко «Отсутствующая структура» (М., 2004). Автора множества текстов на самые разнообразные сюжеты — от кулинарии до описания повседневной жизни отдельных сообществ различных исторических эпох — достаточно сложно идентифицировать с точки зрения его научной специализации. В то же время тексты узнаваемы по каким-то неуловимым свойствам, определяемым наличием некоей общей, но невидимой структурой понимания и восприятия действительности — ее внутренним концептом или мироощущением. Вокруг этого феномена и выстраиваются логика и содержание исследуемых предметов.

Какое это имеет отношение к пониманию логик построения систем традиционного и современного знания, в том числе юридического? На мой взгляд, самое непосредственное. Юридическое знание — органическая часть правовой реальности. Его движение определяется собственными процессами самоорганизации, весьма далекими от тех разделений на дисциплины и профессии, в которые ее вложили научно-образовательные сообщества конкретных эпох и культур, обеспечивающие производство и распространение знания, исходя из интересов его исторических потребителей.

Юриспруденция как система знаний и система квалификаций по научным степеням подчиняется различным принципам. Проявления этого различия обнаруживают себя во внутренней способности юридического знания выстраивать разнообразные комбинации понятий и определений на пересечении или за рамками формальных дисциплинарных систем. Формирование междисциплинарных комплексов юридических знаний, таких как социология и антропология права, правовая психология, культурно-историческая юриспруденция и другие возможные и мыслимые сочетания предметов, методов и языков описания и объяснения феноменов права и государства, отражает и фиксирует этот процесс. Именно в них, в отличие от санкционированной дифференциации систем знаний и профессий, дается действительная картина становления, функционирования и перехода социально-правовых институтов из одного исторического состояния в другое, отвечающее культурным смыслам и запросам того или иного конкретного общества и времени.

Представленный материал является нескромной попыткой ответить на критические замечания в адрес теоретической юриспруденции, которые были высказаны профессором В. В. Лазаревым в ряде статей за 2013—2015 гг.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> См., например: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2 ; Он же. Юридическая наука: продолжение полемики // Lex Russica. 2015. № 11.

© Веденеев Ю. А., 2017

\* Веденеев Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
y-vedeneev@yandex.ru  
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Ключевые слова:** дисциплинарные связи и процессы, социологически ориентированная юриспруденция, междисциплинарные комплексы, эпистемология отношения и признания, юридический язык и юридический текст, междисциплинарность и контекстуальность, культурно-историческая юриспруденция, новая социология права.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.127.6.009-031

## 1. ВВЕДЕНИЕ В ПОЭТИКУ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Современное состояние в развитии юридической науки нуждается в глубокой теоретико-методологической реконструкции. Позитивистская, аналитически закрытая версия понимания права и разработанный в ее рамках категориально-понятийный аппарат в изучении государственно-правовых явлений практически исчерпали свой исследовательский ресурс. Существующие модели построения юриспруденции в различных модусах их научно-практического выражения (как классические, так и неклассические) в конечном итоге воспроизводят бесперспективную логику содержательной и концептуальной эволюции дисциплины.

В полной мере этот момент развития отечественной юридической науки как в предметном, так и методологическом аспектах ее репрезентации демонстрируют базовые учебные курсы по теории государства и права, т.е. доктринальные и схоластические отражения самой научной

дисциплины, ее аналитического языка, проблематики и структуры. Ни узкий, ни широкий взгляд на природу права и взаимоотношений государства и права, ни иные вариации на тему «нового правопонимания» не меняют консервативную рабочую аналитику юриспруденции, обслуживающей государственный интерес<sup>2</sup>.

Разработанный в логике ее аксиоматических определений словарь актуальных терминов и понятий, а также стандартный набор тематики (своего рода *санкционированная поэтика* юридического текста) фактически консервируют понимание онтологических и культурно-исторических оснований развития права и, как следствие, понимание предметных и концептуальных границ развития самой науки права каждой исторической эпохи ее существования.

Базовые аналитические категории определяются в базовых юридических текстах. Начиная с первого систематического учебника<sup>3</sup> и вершины советской догматической юриспруденции<sup>4</sup> и завершая современными версиями

<sup>2</sup> См.: Байтин М. И. Сущность права: Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001; Шафиров В. М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004; Власенко Н. А. Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. 2014. № 2.

<sup>3</sup> См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. Учебный курс является логическим продолжением, а по существу — завершением дискуссий на известном совещании научных работников юридического фронта, открытого в июле 1938 г. и продолжающего свою доктринальную войну до настоящего времени. Структура и содержание курса фактически заложили фундамент жесткого формально-догматического понимания институтов государства и права в их взаимных отношениях и определениях на все времена.

Отдавая должное последовательной позиции в разработке основополагающих догматических теорий и конструкций в описании и объяснении феноменов государства и права представителей первой волны официальной юриспруденции, можно лишь сожалеть о концептуальной цене вопроса — превращении юридической теории в систему схоластических споров, демонстрирующих скорее лояльность наличному правопорядку, чем поиск юридической истины. Первородный грех нормативизма в его этактистской или легалистской версиях состоит не столько в том, что он закрывает возможность критики государственно-правовых практик, сколько в том, что он категорически исключает критическое правопонимание прежде всего самого себя. И жертвой собственной двойной цензуры является в первую очередь юридическая теория, т.е. самосознание научной дисциплины (см.: Стальгевич А. К. Пути развития советской правовой мысли. М., 1928).

<sup>4</sup> См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1970. Т. 1. Основные институты и понятия.

дисциплины<sup>5</sup>, исходный юридический язык и конструкции остаются неизменными. Заключение в них юридическое знание, едва различимое по тематике, структуре и аргументации, до сих пор не может выйти из заданного круга элементарных построений своего предмета и формально-догматического языка. Нельзя изменить наличные представления о праве, не меняя исходной парадигмы концептуализации феномена государства и права<sup>6</sup>. Ахиллесова пята догматической юриспруденции в том и заключается, что она не изучает явление, а за-

мещает его авторитетными суждениями, объяснениями и определениями. Конститутивное ядро ее эпистемологии составляет принцип политического авторитета. Общая трехэлементная конструкция дисциплины, включающая метафизическое введение в предмет (*философия права*), базовые правовоположения и представления (*правовая догматика и аксиоматика*) и прикладную юриспруденцию (*техника реализации и применения права*), сохраняя свое историческое значение, нуждается в переоценке и реформировании<sup>7</sup>.

Дисциплина позиционировала себя в качестве фундаментальной науки, предметом которой являлись всевозможные закономерности развития. Аналитическая риторика в области желаемого государства и права вылилась в конечном итоге в ситуацию, в которой закономерно исчезло само партийно-бюрократическое государство и обслуживающее его право. Юридическая наука осталась и продолжает пребывать в иллюзии собственных иллюзий.

<sup>5</sup> См.: Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2010 ; Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 2010 ; Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2005.

<sup>6</sup> Язык позитивной юриспруденции застыл в системе понятий и конструкций, исключающих возможность выхода за рамки принятых (а фактически — санкционированных самим научным сообществом, читай — властью) догматических определений и правовоположений. Язык права, несмотря на формальные констатации наличия в его структуре метаязыка, формального и практического языка, остается закрытой темой и проблемой юриспруденции (см.: *Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции*. М., 2012. С. 17—18). Язык права — это форма выражения и существования правосознания исторической эпохи, данного в нормативных определениях ее социокультуры.

В общем объеме научной продукции как в области теории права, так и в области теории государства практически отсутствуют исследования, позволяющие рассмотреть юриспруденцию со стороны ее междисциплинарной структуры и структуры ее междисциплинарного языка и узнать, что же думают правоведа о своей собственной науке как науке о праве без государства. Юридическое знание сегодня существует и воспроизводится в границах, санкционированных языком этатистского и легалистского правовопонимания (см.: *Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права*. М., 1976 ; *Власенко Н. А. Язык права*. Иркутск, 1997). Предпринимаемые в литературе попытки самоопределения дисциплины на новых эпистемологических основаниях фактически воспроизводят аналогичную позицию исключения других точек зрения на предмет ее языка, логики и системы.

Последовательное и систематическое изучение правовых категорий и языка юриспруденции в контексте различных версий понимания права проводится весьма узким кругом правоведа (см., например: *Варламова Н. В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной теории права* // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1 ; *Она же. Непозитивистская концепция юридической догматики* // *Российское правосудие*. 2007. № 10 (18) ; *Она же. Субъективное право и смежные юридические категории* // *Российский ежегодник теории права*. 2010. № 3). Попытка критической саморефлексии представлена, по существу, только серией статей профессора В. В. Лазарева (*Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика)* ; *Он же. Поиск науки о праве и государстве (научно-публицистическое эссе)* // *Lex Russica*. 2013. № 4 ; *Он же. Юридическая наука: продолжение полемики*).

См. также: *Мамут Л. С. Наука о государстве и праве: необходимость радикального обновления* // *Философские науки*. 1989. № 11 ; *Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов* // *Советское государство и право*. 1990. № 10 ; *Честнов И. Л. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии* // *Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений*. СПб., 2012. С. 62—74.

<sup>7</sup> *Гревцов Ю. И., Козлихин И. Ю. Энциклопедия права : учеб. пособие*. М., 2008.

Юриспруденция — сложная, многосоставная, многоуровневая культурно-историческая категория и система языков, дискурсов и текстов. Это структурная часть правовой реальности, аналогичная по своему юридическому значению в процессах правообразования и регулирования социальных отношений правовым институтам, доктринам и ценностям. Она (как и перечисленные элементы ее общей онтологии и аксиологии) должна быть предметом научной рефлексии. Сами по себе переименования корпуса юридических дисциплин общеправового профиля: энциклопедия государства и права, общая теория государства и права или общая теория права и государства, интегративная юриспруденция или либертарно-правовая теория и т.п. — свидетельствуют, скорее, об исчерпанности собственной внутренней эпистемологии дисциплины, а не открытии ее новой предметной и концептуальной перспективы<sup>8</sup>.

Все, что можно и нельзя сказать по данному поводу, предельно откровенно изложено в статье профессора В. В. Лазарева «Полемические вопросы развития общей теории государства и права», опубликованной в ведущем юридическом журнале страны «Lex Russica» за ноябрь 2015 г. Представленный материал, своего рода плач Ярославны, не нуждается в комментариях, поскольку автор одновременно критикует и себя за то положение вещей, которое имеет место в отечественной юридической теории. И это правильно. *Quod licet Iovi, non licet bovi*. Очевидно, что феномены государства и права не являются исключительно научной монополией правоведов и государствоведов. Это прежде всего культурно-исторические категории и институты. Именно этот аспект их институциональной эволюции открывает возможность мета(меж)дисциплинарного подхода в осмыслении государственно-правовых процессов как социокультурных практик и традиций.

На мой взгляд, возможность преодоления или переопределения формальной логики построения юридической теории лежит в логике включения в ее состав (в качестве концептуального ядра) изучение не только исторических контекстов возникновения и развития государственно-правовых институтов и формальных языков правового общения<sup>9</sup>, но прежде всего социокультурных (ментальных и когнитивных) оснований и форм воспроизводства самой системы юридических знаний о государстве и праве. Решение вопроса связано с пониманием элементарного факта. Социальные, политические и юридические практики как в своей исторической онтологии, так и в своей исторической эпистемологии определяются смыслом человеческого существования — индивидуального и коллективного, культурного и интеллектуального<sup>10</sup>.

А это уже предмет культурно-исторической юриспруденции в ее трех дисциплинарных измерениях — правовой антропологии, новой (структурной и эволюционной) социологии права и когнитивной юриспруденции — дисциплины, предмет которой составляют вопросы восприятия и рассуждения о юридической реальности в логике отношения к наличной или воображаемой правовой реальности<sup>11</sup>. Именно на пересечении этих предметных и категориальных областей юридического знания и может быть выстроен фундамент современной юридической науки: от формально-догматической юриспруденции и институциональной теории права к культурно-исторической юриспруденции и феноменологической теории права. Этот концептуальный вызов ждет своего адекватного концептуального ответа<sup>12</sup>, поскольку изменения в составе и системе междисциплинарных связей дисциплины — это также изменения и в системе теоретического и практического языка дисциплины, ее эпистемологии.

<sup>8</sup> См.: Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. М., 2012.

<sup>9</sup> См.: Деев Н. Н. Государственность и этнополитическое развитие // Политические проблемы теории государства. М., 1993.

<sup>10</sup> См.: Коллинз Р. Социология философий : Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002 ; Орлова И. Б. Введение в социологию исторического знания. М., 2009.

<sup>11</sup> См.: Лахман Р. Что такое историческая социология. М., 2016.

<sup>12</sup> В отличие от экономической науки, предмет которой включает в себя изучение собственной дисциплинарной структуры и смены концептуальных парадигм (см., например: Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М.-СПб., 2015 ; Макклоски Д. Риторика экономической науки. М., 2015 ; Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.-СПб., 2015 ; Бегельсдайт Ш., Ма-

Именно культурно-исторически ориентированная юриспруденция позволяет под новым углом зрения увидеть глубокие цивилизационные различия нормативных и институциональных практик организации систем социальной, политической и правовой коммуникации, в том числе их важнейшей составляющей — социокультурной легитимации или нормативного признания. Оно связано с пониманием юридических границ существования отдельных правовых систем в исторически различных культурах социального общения. Предмет культурно-исторической юриспруденции — все то, что лежит за пределами формально-догматического понимания и представления о праве. Это долговременные и устойчивые, невидимые и закрытые для текущих изменений паттерны или архетипы социального общения как человеческого общения, или все то, что

имманентно определяет смысл индивидуального и коллективного человеческого существования. В этом плане культурно-историческая юриспруденция сосредоточена на глубинных, метаюридических (ментальных, когнитивных, языковых) основаниях и аспектах длящихся структурных (рамочных) форм социального и правового поведения.

Культурно-исторический подход (или *эпистемология контекста и текста в их взаимных отношениях и определениях*) в изучении социально-правовых систем и процессов позволяет уйти от классических позитивистских (объективистских) моделей описания и объяснения механизмов их воспроизводства и, самое главное, избежать крайностей радикальной версии самоопределения юридической науки — *постюриспруденции*, или юриспруденции без государства и права. В основании культурно-

*селанд Р.* Культура в экономической науке. М.-СПб., 2016), юриспруденция довольствуется простыми экскурсами в систему методов изучения государства и права или классическую историю политических и правовых учений. Сам по себе факт вынесения в заголовок или подзаголовок работы, претендующей на статус теоретического исследования, термина «*проблемы теории*» или «*проблемы методологии*» юридической науки не меняет существа дела.

Концептуальная история развития дисциплинарной и междисциплинарной структуры юридической науки, ее языка и систем юридических знаний в различных культурно-философских традициях их формирования и применения остается открытой темой и проблемой. Появление новой учебной дисциплины «История и методология юридической науки» в государственном образовательном стандарте — первый шаг в этом направлении. Сложившаяся в отечественной юридической науке традиция рассматривать проблематику концептуальной эволюции дисциплины исключительно в рамках истории политических и правовых учений, на мой взгляд, не вполне корректна (см., например: *Нерсесянц В. С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1999).

Разумеется, философское и политико-правовое осмысление правовой реальности не исключает, а, напротив, предполагает изучение категориально-понятийных рамок формирования и развития аналитического языка юриспруденции, на котором говорят отдельные конкретно-исторические эпохи ее существования. Юридический взгляд на мир одновременно заключает в себе и объяснение, и обоснование исторических практик социально-правового общения. Совмещение дескриптивных и нормативных оснований понимания и определения правовой реальности заключено в самой онтологии и эпистемологии права. История юридической науки и история политических и правовых учений выражают эту двойственность в осмыслении правовых порядков в их различных социокультурных контекстах. Функция юридической науки состоит в описании и объяснении феномена права. Ее собственный предмет — история систем юридических знаний о праве. Функция истории политических и правовых учений состоит в выявлении парадигмальных сдвигов в понимании права и, как следствие, обоснований различных политик развития права. Ее собственный предмет — история политико-правовых доктрин, предписывающих, «*что есть право, а что не есть право*».

Очевидно, что в самой структуре объяснения и обоснования феномена права заключено различие двух модусов его определения, соответственно, в терминах дескриптивной или нормативной логики, т.е. теоретической и доктринальной юриспруденции, юриспруденции сущего (факта) и юриспруденции должного (ценности). Различные школы права являются концептуальными выражениями различных версий понимания права. Юридическая наука каждой исторической эпохи существования и понимания права, совмещая в себе обе логики своего самоопределения и разрабатывая свой предмет, структуру и категориально-понятийный аппарат, обладает собственной концептуальной историей развития.

исторического концепта правовой действительности лежат гуманитарные (аксиологические, социокультурные, историко-антропологические) структурные факторы и условия развития и функционирования социальных систем.

Суть культурно-исторического измерения социально-правовой реальности может быть выявлена в формуле «*отношение к отношениям*», т.е. описания и объяснения культурно-исторических практик воспроизводства систем социальных отношений в рамках бинарной оппозиции признания или непризнания (понимания или непонимания) их действительного смысла и назначения. Все составляющие процесса институционализации и концептуализации реальной действительности — *социогенез, нормогенез и культурогенез* — в конечном счете определяются культурно-историческими факторами и условиями человеческого развития. Правовая реальность — прежде всего по определению — человеческая реальность. Она пронизана человеческими ожиданиями и настроениями, переживаниями смысла существования.

В этой логике оценки места и роли категории «*признание-понимание*» в общем механизме нормативной регуляции, социальных отношений именно признание и понимание образуют соционормативное и социокультурное ядро всех возможных реальных и потенциальных, нормативных и институциональных практик, границ и траекторий возможных изменений и трансформаций систем нормативной регуляции.

Категория «*признание-понимание*» — интегральная часть юридического отношения к действительности соединяет в себе онтологические и феноменологические основания действительности, социальное как таковое и социальное в его отражении в восприятии и переживании субъектов социальных действий и предпочтений. Юридическое качество концепта «*признание-понимание*» заключено в его социальной нормативности. Признание лежит в основании определения аксиологического статуса (практической ценности) существующих, актуальных и потенциальных юридических форм, методов, способов нормативной организации социальных отношений в их общей системе. В этом плане социальный кризис есть кризис нормативности практик признания или непризнания (*понимания или непонимания*) наличного порядка отношений как правопорядка.

Историческая генеалогия категории «*признание-понимание*» заключена в культурно-цивилизационной реальности, определяющей глубинные основания права как такового. Именно социокультурной по своей сути, наряду с языком и религией, формой существования и самоопределения исторического человека. Действительное право живет в форме представления о праве, нагруженного собственными предметными, ценностными и нормативными смыслами и значениями. Различные культуры характеризуются различными представлениями о праве — его источниках и языке, содержании и границах юридической организации отношений. Культурно-историческое измерение права позволяет совместить в своих определениях как постоянные, инвариантные признаки данного феномена, так и меняющиеся культурно-исторические. То есть и его юридическую антропологию, и его юридическую социологию.

Право, как и религия, — органическая нормативная часть культурно-исторического цикла существования человеческих сообществ. В этом смысле оно одновременно универсально и конкретно, в чем собственно и состоит сущность права. Оно универсально, поскольку присутствует на всех этажах социальной организации. И оно конкретно, поскольку является правом определенной социокультуры. Эволюция правовых систем привязана к эволюции систем представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений, т.е. к пониманию и признанию того, что есть право и что не есть право в той или иной культуре нормативного общения. Право — элемент общего культурного и институционального наследия.

Право мыслится в категориях социокультуры своего времени и места, что составляет предмет культурно-исторической юриспруденции в трех аспектах ее концептуальной разработки: историко-генетической психологии, антропологии и социологии. Определения исторической социологии и антропологии права имеют фундаментальное значение в изучении действительной логики развития различных систем соционормативной регуляции (догосударственных, переходных, государственно-правовых обществ), их нормативного языка, символов и семантики, структуры и функций. Именно этим и объясняется теоретическое и практическое значение языка антропологически и социологически ориентированной перспективы в развитии юриспруденции или эпистемологии «*отношения к отношениям*».

Правовая реальность, основанная на признании и понимании должного и недолжного порядка отношений, различении своего и чужого права, — это одновременно концептуальная и фактическая, языковая и институциональная реальность. Язык культурно-исторически нагруженной эпистемологии позволяет не только и даже не столько описать и объяснить отдельные аспекты реальности права, но и прежде всего обеспечить воспроизводство правовой реальности как человеческой реальности.

Дисциплинарный статус культурно-исторической юриспруденции позволяет выйти за узкие рамки позитивистской версии понимания права. Ее язык культивирует толерантное отношение к различным социокультурным традициям и практикам, и прежде всего к пониманию сложной архитектуры различных ментальных картин мира, определяющих юридическое лицо современного социального порядка.

Культурно-историческая юриспруденция как научная дисциплина имеет прямую связь с общетеоретическими и отраслевыми учебными курсами по теории и истории юридической науки, сравнительному правоведению, истории государственно-правовых институтов. Ключевая проблема и тема культурно-исторической юриспруденции состоит в изучении социальных, культурных и формально-догматических различий понимания, определения и признания того, что есть право, а что не есть право. В этом кросс-культурном аспекте своего развития культурно-историческая юриспруденция, углубляя представление об основных категориях, понятиях и совокупном предмете юридической науки в целом, не претендует на статус общей теории и методологии права. Ее целевая, теоретико-методологическая функция состоит в разработке системы представлений об исходных онтологических и исторических основаниях прав человека и гражданина, являющихся фундаментальной темой и проблемой философии права, теоретического и исторического правоведения.

Право является формой *юридической субъектности*, выраженной в терминах определенной соционормативной культуры. И в этом смысле культурно-историческая юриспруденция является теорией понимания *юридиче-*

ского как сферы существования и присутствия человека в историческом времени и историческом пространстве. Культурно-историческая юриспруденция и ее базовый концепт — правовой плюрализм практик нормативного регулирования социальных отношений — играют существенную роль в понимании пределов возможной унификации национальных правовых систем в условиях глобализации.

Культурно-историческая перспектива в праве составляет одновременно и новое синтетическое направление научных исследований в составе теоретического правоведения, и новый интегральный подход в изучении государственно-правовых явлений. Представляется возможным в качестве элементарного *введения в предмет* культурно-исторической юриспруденции или юриспруденции правопорядков предложить *введение в систему* социологии права как составной части ее дисциплинарного кластера.

Эмпирическое основание социологии права и ее предметно-аналитической дифференциации на отдельные сегменты лежит в правовой системе как общем объекте социологически ориентированной юриспруденции. Правовая система и ее нормативная, институциональная, доктринальная, аксиологическая, концептуальная и юридико-техническая составляющие образуют исследовательское поле социологии права в целом. Каждая эпоха существования правовой системы заключает в себе одновременно и ее историю — юридическую архаику, и ее юридическую современность в их взаимных отношениях и определениях. Общая проблема юриспруденции состоит не только в описании и объяснении развития правовой системы в целом, а также исторической динамики и логики развития ее составных элементов. Это очевидно и не требует обоснований. Базовая проблема и тема заключаются прежде всего в выявлении границ совместимости или несовместимости нормативных языков, аналитических и доктринальных определений исторически разновременных наслоений ее элементов как между собой, так и внутри себя.

Концептуальная составляющая правовой системы лежит в основании формирования внутри социологии права отдельной субдисциплины — социологии юридического языка<sup>13</sup>.

<sup>13</sup> См.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961 ; Джонсон Т., Дандекер К., Эшурт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. 1993. Вып. 1.

Юридический язык обладает двойственной природой, это категория правовой реальности и понятие о правовой реальности. Его онтология заключена и в юридическом базисе, и в юридической надстройке. Это одновременно и юридический концепт, и юридический конструкт. Прагматика юридического языка находит себя в различных сферах существования, отражения, понимания и конструирования правовой реальности. Социология юридических понятий и юридических конструкций — составная часть комплексного предмета социологии права и государства, поскольку история развития государственно-правовых институтов связана с историей развития государственно-правовых идей, категорий и понятий.

История социологии права — это составная часть истории и методологии юридической науки<sup>14</sup> — культурной категории с меняющимся концептуальным содержанием и формой. Это история изменений аналитической структуры и подходов, исследовательского языка и тематики социологии права в логике изменений ее предметных и междисциплинарных связей в общей системе социальных и юридических наук<sup>15</sup>.

## 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

Проблема и тема междисциплинарных связей юридической науки в целом и ее составных частей имеет фундаментальное значение в определении ее действительного предмета и структуры. История вопроса имеет собственную концептуальную традицию<sup>16</sup>. Предмет-

ное и концептуальное обогащение научной дисциплины за счет включения в широкую междисциплинарную сеть и освоения новых аналитических возможностей открывает новую перспективу собственного развития. Качественное расширение собственных предметных и аналитических границ обеспечивает переход от статической модели инерционного развития дисциплины к динамической модели интегральной юриспруденции в собственном смысле данного понятия и явления.

Междисциплинарный статус юриспруденции в полном объеме своего содержания раскрывается в рамочных определениях различных версий понимания права. Обращение к классической теме юриспруденции «*юридическая наука и правопонимание*» в контексте междисциплинарных связей объясняется тем обстоятельством, что правопонимание составляет исходное эпистемологическое основание определения форм и структуры дисциплинарных взаимодействий и вхождения предмета и языка одной дисциплины в предмет и язык другой дисциплины, т.е. определения онтологических и концептуальных условий использования аналитического языка одной научной дисциплины в исследовании предметных областей другой научной дисциплины, и наоборот. В этом плане образование междисциплинарных комплексов — это одновременно фундаментальная тема и проблема развития самой юридической науки в целом<sup>17</sup>. Это вопрос расширения предмета и методов исследования юридической науки или ее новая онтология и эпистемология, т.е. новые аспекты существования и исследования правовой реальности

<sup>14</sup> См.: Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005 ; Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015 ; Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2012 ; Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015 ; Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки. М., 2016 ; История понятий, история дискурсов, история метафор : сб. статей. М., 2010 ; Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.

<sup>15</sup> Традиция изучения языка научной дисциплины в культурно-историческом контексте своего времени составляет одно из продвинутых направлений западно-европейской социологии знания. Современное понимание проблемы аналитического языка и ее контекста представлено в особом формате дисциплины — культурно-исторической эпистемологии (см.: Ионин Л. Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М., 1979 ; Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., 2015).

<sup>16</sup> См.: Кистяковский Б. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 ; Петражицкий Л. И. Теория государства и права в свете теории нравственности. М., 2010 ; Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004.

<sup>17</sup> См., например: Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

и новый междисциплинарный язык описания и объяснения государственно-правовых явлений и процессов<sup>18</sup>.

Проблемы развития юридической науки в системе определенных версий понимания права составляют существенную часть теоретизирования в области права<sup>19</sup>. Каждой версии понимания права корреспондирует свое представление о праве<sup>20</sup>. Каждая версия понимания права предполагает разработку собственной теории права со своими категориями и конструкциями, логикой построения материала и аргументацией.

Доктринальная база исследования права и государства лежит в границах позитивной и непозитивной версий правопонимания. *Позитивистски* ориентированная юриспруденция обеспечивала и продолжает обеспечивать ее развитие и воспроизводство в системе формально-аналитически закрытой эпистемологии государства и права. *Непозитивистски* ориентированная юриспруденция ищет собственную метафизику и строит свои определения в широком диапазоне подходов в понимании онтологических оснований и источников нормативности права. Классическая юриспруденция, неклассическая юриспруденция, постюриспруденция — все эти и другие возможные варианты объяснения смысла и назначения права выражают как историю развития, так и теорию понимания самой юриспруденции.

Это одновременно и юридические концепты и юридические конструкты, т.е. исторические системы знаний о праве — мифологические,

знаково-символические, рационально-логические, основанные на парадигмальных представлениях о должном и недолжном порядке отношений. И исторические системы репрезентаций разнообразных форм существования права — классификаций и идентификаций, генеалогий и ритуалов, презумпций и фикций, концептов и практик юридического восприятия, переживания и отношения к наличной или воображаемой действительности<sup>21</sup>.

Разрабатываемые в рамках каждой версии понимания права юридические теории, выстраивая свои ключевые определения, исходили из принятой или санкционированной модели отношений между земным и небесным, сакральным и профанным<sup>22</sup>, правильным и неправильным феноменом государства и феноменом права. И, как следствие, из взаимных отношений нормативных и ценностных компонент в системах и практиках юридической организации социальных институтов. Литература вопроса непрерывно пополняется противоположными суждениями на тему первичности или вторичности формальных правил или культурных ценностей, и наоборот, хотя очевидно, что это пересекающиеся социальные, культурные и политические реальности, обладающие собственной внутренней логикой существования и развития<sup>23</sup>.

Вопрос лежит в другой плоскости. Масштабы и границы междисциплинарных обменов и взаимовлияний в системе юридических и социальных наук определяются спонтанными процессами развития самих научных дисциплин или это процесс и результат конструиро-

<sup>18</sup> Опыт заимствования юридического языка (в широком смысле — терминология, общие понятия и определения, юридические институты и конструкции) в процессах проведения правовых реформ является нормальной практикой в поиске решения собственных концептуальных и законотворческих проблем, особенно ситуации юридического изоморфизма правовых систем в подготовке и реализации законопроектов (см.: Гражданское уложение. Книга первая. Положения общие. Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. СПб., 1903 ; *Медушевский А. Н.* Проект Гражданского уложения Российской империи в сравнительном освещении // *Цивилистические исследования*. Вып. 2. М., 2005 ; *Он же.* Правовой дуализм в России и попытка его преодоления: Сравнительный анализ проекта Гражданского уложения Российской империи // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2005. № 1).

<sup>19</sup> См.: *Варламова Н. В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.

<sup>20</sup> См.: *Нерсесянц В. С.* Право: множество определений и единство понятия // *Советское государство и право*. 1983. № 10.

<sup>21</sup> См.: *Гаджиев Г. А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

<sup>22</sup> См.: *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.

<sup>23</sup> См.: *Современное правопонимание*. М., 2016.

вания новых форм организации современного юридического и социального знания? Это формальный конструкт исследовательских языков и текстов или момент культурно-исторической эволюции юридических картин мира и корреспондирующих им систем юридического знания? Видимо, это производная обоих составляющих процесса концептуализации действительности, имеющая основания как в самой практике становления и развития исторических форм социального знания, так и в целенаправленных усилиях производителей и потребителей научного знания.

Это одновременно социологическая и науковедческая проблема и тема культурно-исторической юридической эпистемологии. Очевидно и другое. Интенсивность и плотность междисциплинарных форм концептуализации юридического знания непосредственно зависят от типов правопонимания — жестких или мягких, закрытых или открытых для дисциплинарных контактов и концептуальных трансакций. Или от способности включать в систему своих категорий, понятий и определений новые языки и подходы в описании и объяснении государственно-правовых явлений и образовывать сложные комплексы знаний, объединенных принципами транзитивности и комплементарности (*дополнительности и совместимости*) предметов и языков исследования.

### 3. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ВРЕМЯ И СТРУКТУРА

Возникновение новых междисциплинарных форм знания и их гибридных жанров на пересечении юридического, социального и культурного феноменов — характерная черта и фаза в развитии современной науки. Здесь скрыт целый веер эпистемологических возможностей комбинирования разнообразных дисциплинарных комплексов. Их появление оказывает существенное влияние на общий ландшафт и архитектуру самой науки как исторической формы существования и воспроизводства общественных систем в терминах определенной социокультуры, ее языка и дискурса.

Социология права<sup>24</sup> или юридическая социология<sup>25</sup>, антропология права<sup>26</sup> или юридическая антропология<sup>27</sup> — что это? Это терминологические конструкции или обозначения различных аспектов исследуемой культурно-исторической юридической реальности, ее онтологии и эпистемологии. Это вопрос формального наименования дисциплины или вопрос принадлежности дисциплины к определенной области знания с точки зрения и предмета, и методов исследования, системы и структуры категориально-понятийного аппарата дисциплины. Ответ далеко не праздный, поскольку связан и предполагает также научную специализацию различных категорий и форм организации научных институтов и их структурных подразделений, что составляет особую дисциплинарную область — науковедение (в отличие от наукознания). Процессы институционализации юридической науки, как и процессы ее концептуализации, — неотъемлемая часть исторического процесса определения и переопределения ее предмета и структуры. Каждой исторической эпохе существования правовой науки корреспондируют не только свой юридический язык и юридический дискурс, но также свои формы ее социокультурной манифестации, производства и потребления юридических знаний.

Определение дисциплинарных границ имеет теоретико-методологическое значение как с точки зрения содержания знания, так и с точки зрения формы его концептуализации. Где они лежат? В предмете или методах исследования, или существуют особые критерии различения и идентификации дисциплинарного статуса отраслевых и комплексных научных образований? Ответ на эти и другие вопросы состоит в определении фундаментальных оснований юридической науки в целом и составляющих ее единиц. В этом смысле юридическая теория одновременно и метатеория, т.е. теория, предметом которой является сама научная дисциплина в различных аспектах и исторических формах ее существования и развития.

Юридическое знание — органическая часть правовой реальности как культурно-исторической формы существования различных человеческих сообществ. Юридическое знание

<sup>24</sup> См., например: Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011.

<sup>25</sup> См., например: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.

<sup>26</sup> См., например: Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002.

<sup>27</sup> См.: например: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

неоднородно по своему нормативному содержанию и структуре. Оно дифференцировано по составляющим систем социального общения и коммуникаций, их статусной и ролевой структуры. В этом плане оно имеет и социологическое, и антропологическое измерение. Это сложный многоуровневый и поливариантный цивилизационный феномен, возникающий на пересечении социальных, культурных и ментальных оснований и условий собственного развития и воспроизводства<sup>28</sup>. Отсюда, собственно, и проистекает внутренняя потребность *саморефлексии* на предмет самое себя, что и составляет действительный предмет теоретической юриспруденции.

Определение дисциплинарного статуса юридической науки в системе социальных и гуманитарных наук — актуальная задача новой культурно-исторической юриспруденции. Ее предмет — эволюция систем юридического знания не только и не столько со стороны их исторического содержания, но и прежде всего со стороны эволюции их жанровых форм, тематической структуры, юридического словаря и *метафорики* в широком контексте социальных и политических изменений. Традиционное и современное юридическое знание, обладая общим и собственным смыслом и значением, вариативно с точки зрения его эпистемологии, культурных условий и практик производства и потребления. Оно имеет и политическую ценность, и формальную стоимость. Это категория культуры, политики, и экономики. Функция множества социальных переменных.

Поэтому междисциплинарность и контекстуальность юридического знания являются базовыми свойствами и формами его существования и движения. Ими определяются как

внутренние характеристики права и определенных права — нормативность и рациональность, так и внешние характеристики юридической среды освоения правил должного порядка и представлений о должном порядке — транспарентность и транзитивность. Поэтому действительным и общим предметом исследования юридической науки являются и право, и знание о праве<sup>29</sup> в их взаимных отношениях и определениях. Юридическое знание нормативно, а юридические правила концептуальны по факту присутствия в определенном культурно-историческом времени и пространстве. Различие состоит лишь в уровне и формах их нормативности и рациональности<sup>30</sup>, что определяется реальной средой обитания — ее открытой или закрытой исторической онтологией, аксиологией и эпистемологией.

Проблема развития права и науки права — это проблема развития также сообществ, в границах социокультур которых существует и воспроизводит себя общая правовая реальность. Концептуальная история юридической науки имеет как культурологическое, так и социологическое измерение.

Изучение права с социолого-антропологической точек зрения предполагает предварительную разработку вопроса теоретико-методологических оснований самого комплексного подхода и обоснование потребности сближения социологии, антропологии и юриспруденции. Онтологические основания связаны с представлением о праве как феномене культуры и институте, обеспечивающем процессы социального общения. Эпистемологические основания вытекают из представления о производности предмета исследования права от системы междисциплинарных связей в составе других социальных наук.

<sup>28</sup> См., например: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994 ; Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014 ; Качанов Ю. Эпистемология социальной науки. СПб., 2007.

<sup>29</sup> См.: Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005 ; Орлова И. Б. Введение в социологию исторического знания. М., 2009.

<sup>30</sup> Рациональность правовых высказываний (правил и суждений), так же как и их нормативность, являются общими и конкретными свойствами исторического процесса позитивации социальных отношений. Различным формам рациональности права (мифологической, символической, логической), а также его практического и теоретического языка корреспондируют различные логики понимания и интерпретации правовых явлений. Их описание и объяснение исходит из культурно-исторического контекста существования права. Симбиоз природного и культурного (*мифологические правовые системы*), сакрального и профанного (*символические правовые системы*), логического и религиозного (*схоластические правовые системы*) — далеко не полный перечень возможных комбинаций и рекомбинаций ментальных юридических техник организации социального порядка в качестве правопорядка.

Междисциплинарные связи обнаруживают себя в двух измерениях, во-первых, простого информационного обмена между отдельными дисциплинами и, во-вторых, формирования новой проблематики и концептуального языка (общего словаря, подходов и тематики). Категориальные заимствования включают как формальные, так и содержательные междисциплинарные обмены. Формальный подход ориентирован на использование языка и антропологии и социологии в узком, терминологическом значении, т.е. элементарной концептуализации юридической науки (заимствование словаря отдельных научных дисциплин). Содержательный подход ориентирован на образование в составе юридической науки комплексной научной дисциплины со своим предметом, языком и методами исследования права — культурно-исторической юриспруденции в системе определений новой социологии и антропологии права.

Становление в составе юридической науки новой дисциплины и области знаний — социологии права протекало в двух основных форматах и логиках их построения и сосуществования: традиционном и современном, позитивистском и непозитивистском. Позитивная социология права была направлена на изучение формальных отклонений (*минимальных* — *максимальных*) установленного права в практике его реализации и применения. Основная задача сводилась к выработке формальных рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

Появление новой версии социологии права вытекает из потребности объяснения фундаментальных трансформаций в системах нормативного регулирования социальных отношений, а именно структурных изменений и сдвигов в юридической организации власти, собственности и управления под воздействием процессов внутренних преобразований в системах социального, политического и культурного общения. Ее собственный предмет — изменения не формальных, а онтологических и культурно-исторических оснований права

и определение новых дисциплинарных кластеров или группировок взаимосвязанных понятий и конструкций.

Современная социология права в своем предметном и методологическом самоопределении связана одновременно с процессами интернационализации и права<sup>31</sup>, и самой научной дисциплины<sup>32</sup>. Поиск новой философии социологического правопонимания и новой рамочной концепции предметного и языкового развития новой социологии права в условиях глобализации и дезинтеграции национальных правовых систем — актуальная проблема и тема социологически ориентированной юриспруденции. Проблема контактов, транзитов, сближения и пересечения правовых систем — это одновременно проблема определения социокультурных и юридических, внешних и внутренних границ их отдельного и совместного существования. Это доктринальный и эпистемологический вызов принятой традиции позитивистского понимания юридического и политического суверенитета. Это проблема и тема правовой географии и геополитики, направленной на переопределение юридических границ международного и государственного правопорядков.

Новая культурно-историческая юриспруденция в ее социологической и антропологической перспективе позволяет не только обнаружить или обозначить ранее не замечаемые или невидимые аспекты реальности права, но и существенно расширить и проблематизировать предмет исследования юридической науки в целом. Демонстрация комплексной дисциплиной собственной способности и готовности теоретически осваивать, снимать и преодолевать концептуальные вызовы, конфликты и кризисы правопониманий, нормативности и рациональности права — важный индикатор ее научной состоятельности и действительного присутствия в общей системе социального и гуманитарного знания. Право на существование культурно-исторической социологии подтверждается не тем, что она дает новое определение права. Этим занимается классическая

<sup>31</sup> См., например: *Медушевский А. Н.* Социология права. М., 2006; *Мальцев Г. В.* Социальные основания прав. М., 2007; *Яковлев А. М.* Социальная структура общества и право. М., 2009; *Корнев А. В.* Социология права. М., 2015; Современная социология права : сб. трудов. М., 2013.

<sup>32</sup> См., например: *Тимошина Е. В. Л. И. Петражицкий vs Е. Эрлих: два проекта социологии права // Правоведение.* 2013. № 5; Социология права : курс лекций / под ред. проф. М. Н. Марченко. Т. 1—2. М., 2015; *Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. М., 2009.

юриспруденция в различных форматах ее концептуализации.

Предмет культурно-исторической юриспруденции обнаруживает себя через отношение к тому, что есть и что не есть право в границах восприятия и понимания права определенными культурными сообществами. Нормы здесь — минимальная единица того явления, которое понимается под правом. Эпистемология юридического восприятия и переживания реальности права в рамках определенной социокультуры позволяет избежать буквального (позитивистского) прочтения различных фактов, событий и ситуаций в процессах и практиках социального общения. Базовый концепт культурно-исторической юриспруденции основан на различии внешнего и внутреннего права — права формального и права данного в его коллективной или индивидуальной интерпретации. С точки зрения данного подхода в понимании права единственной аутентичной формой существования права является конфликт интерпретаций права, за которым прячется конфликт реальных или символических интересов и ценностей, определяющих действительное содержание права.

В этом плане вполне объяснимо сосуществование в рамках общей исторической системы европейского права двух юридических модальностей выражения права, двух юридических техник производства и применения права — романо-германской и англосаксонской правовой систем. Обе системы — право юридического текста и право юридического конфликта включают в свою структуру собственные техники интерпретации права. Различие состоит в том, что в первом варианте своего использования конфликт интерпретаций сопровождает процесс реализации и применения объективного права. Во втором варианте конфликт интерпретаций лежит в основании процесса производства и реализации субъективного права.

Очевидно, что различия в онтологических, доктринальных и эпистемологических основаниях построения и функционирования правовых систем находят свое концептуальное продолжение в социологии и антропологии права, их предметах, структуре и языках описания и объяснения культурно-исторических процессов, обеспечивающих их воспроизводство и развитие. Обнаружить различие в стилях правового мышления и культурно-исторических традициях понимания права двух типов

правовых систем инструментарием позитивной юриспруденции невозможно. Отсюда, собственно, и проистекает потребность в междисциплинарной переориентации современной классической юриспруденции, что позволяет существенно расширить и обогатить представления о многообразии культурно-исторических форм существования и выражения права.

#### 4. ГРАНИЦЫ ПРАВА В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Классическая социология права основана на трех взаимозависимых элементах концептуализации наличного правопорядка: базовом концепте, основной теме и юридическом содержании. *Базовый концепт дисциплины* исходит из традиционного тезиса позитивной юриспруденции — социальной обусловленности права. Отсюда и *ключевая тематика дисциплины* — социальные основания, условия и факторы существования, развития и воспроизводства права как системы институтов, обеспечивающих юридическую организацию социальных отношений, рассматриваемых в качестве предмета правового регулирования. *Содержание дисциплины* вращается вокруг проблемы границы формальных отклонений действующего права от установленного или позитивного права. В этой логике построения дисциплины все ее элементы определяют друг друга, что делает совокупную аргументацию вполне отвечающей принципам рациональности, объективности и достоверности получаемого позитивного знания о праве.

Неклассический подход основан на ином видении нормативной реальности, т.е. ее онтологии, аксиологии и эпистемологии, а именно на различии категорий «*юридическая реальность*» и «*правовая реальность*» как двух модусов выражения практик социального общения. Юридическая реальность — элемент социокультуры. Правовая реальность — элемент политики. В отличие от нормативной аналитики классической (позитивной) социологии права, аналитика неклассической социологии права заключается в концептуальной критике официальной политики развития права и обеспечивающих ее институтов и идеологий, способов догматической аргументации и формальной легитимации. Ее эпистемология основана на представлении о существовании в общей системе соционормативной регуля-

ции двух уровней воздействия на коллективное и индивидуальное социальное, которые заключены в ее структуре — одновременно когнитивной и институциональной, связанной с представлениями о должном порядке социальных отношений и средствами их практического воплощения. Из различения внутренней (ментальной, ценностной) и внешней (формальной, заданной) нормативности в общем процессе юридической организации социальных отношений логично вытекает необходимость дать им аналитическое определение в рамках культурно-исторически ориентированной юриспруденции, составной частью которой и является неклассическая социология права, т.е. социология социокультурных оснований и источников права. Ее предмет лежит в исторической онтологии практик социального общения, заключающих в себе глубинный конфликт между формальными нормами и культурными ценностями, между тем, что есть, и тем, что может быть.

Аналитика новой социологии права воспринимает практики правового регулирования в контексте взаимопересечения социокультуры эпохи и конкретной политики производства и воспроизводства права. Междисциплинарный статус дисциплины в определениях ее собственного предмета и аналитического языка заключен в самой логике концептуализации юриспруденции в целом и понимания ее практического значения и смысла как неотъемлемой части культурно-исторического процесса правообразования. Эпистемологический сдвиг состоит не столько в смещении акцентов с эмпирической составляющей процесса реализации и применения права на внутренние, ментальные и когнитивные основания развития права, но прежде всего в констатации сложных и нелинейных отношений в самой его онтологии, аксиологии и эпистемологии. Эволюция права связана преобразованиями в различных по своей нормативной природе системах юридических институтов, социокультурных ценностей и форм мышления (знания). Поэтому действительный предмет культурно-исторической юриспруденции в формате критической социологии права — грамматика правопорядка, представленная в юридических картинах мира или исторических формах восприятия, оценки и переживания наличного права и данная в генезисе образов, концептов и языков культурных и нормативных практик социального общения. Ее тематика может быть раскрыта

в рамках рабочей гипотезы, включающей базовые определения дисциплины, ее структуру и проблематику.

1. *Рабочая гипотеза.* Юридическая реальность представляет сочетание или совмещение двух фундаментальных аспектов человеческого (коллективного и индивидуального) существования: нормативного и фактического, природного и культурного, сознательного и бессознательного, воображаемого и практического. Юридическая реальность — это одновременно и *должное* в сущем, и *сущее* в должном. Должное *не существует* помимо сущего. Оно не вне и не над сущим. Оно *внутри* сущего. То есть юридическая реальность — это социально-нормативная реальность — реальность «*sui generis*». Или юридическая реальность по факту существования социальной реальности.

Юридическое пронизывает и социальное, и политическое, и культурное. В этом смысле оно универсальная данность или ментальность должного. Репрезентациями юридического качества правовой реальности являются различные формы нормативности (дескриптивной и прескриптивной) и рациональности (формальной и метафизической) права догосударственных и государственно организованных сообществ — установленного и действующего права.

2. *Базовые определения.* Нормативные формы существования и выражения юридической реальности заключены в определениях социокультуров отдельных исторических эпох. Нормативные формы существования и выражения правовой реальности заключены в определениях конкретной политики права. Отсюда вытекают пять важных для понимания теоретико-методологических оснований новой социологии права положений, своего рода юридическое «пятакнижие».

*Первое.* Нормативное (или юридическое) качество социальной реальности заключено в самой социальной реальности. Нормативность *социального* — объективна. Это онтологическое качество социальных практик и вырабатываемых в них юридических институтов. Это феномен *структурной* (имплицитной) нормативности социального процесса (должного в сущем), глубинная, скрытая нормативная топика социального общения. Или юридическое как таковое, которое подразумевает наличие *аскриптивных* (первичных, ментальных нормообразующих) связей в системах социальных коммуникаций, определяющих условия и границы нормативного общения. Они пронизывают

сферы публичной и частной человеческой жизнедеятельности до их превращения в системы формально-правовых связей, санкционированных внешним, культурно-историческим контекстом и принуждением. Проблема превращения юридического отношения (социальной нормативности) в правовое отношение (формальную нормативность) — ключевая проблема культурно-исторической юрис-пруденции.

*Второе.* Юридическая реальность лежит в основании формально-правовой реальности. Источник формально-правовой реальности — политическая воля, способная выдавать воображаемое за фактическое, а фактическое за несуществующее. В этом смысле она задана через политический процесс<sup>33</sup>. Если нормативность социального дана онтологически, то нормативность политического существует в широком диапазоне формальных определений должного. Классической формой его практического бытия является, в частности, формально-юридически организованный политический произвол. Переход нормативно-должного из одного — имплицитного состояния (*права в себе*) в другое — эксплицитное состояние (*права для других*) существует как потенциальная возможность в границах адекватного или неадекватного политико-правового регулирования социальных отношений.

*Третье.* Нормативное (или *юридическое*) качество социальных отношений не возникает на пересечении должного и сущего<sup>34</sup>. Само сущее является одновременно должным. Это и есть не что иное, как объективное (или действительное) право, определяемое исторической и юридической логикой развития социальных институтов. Это нормативный текст самого социального текста, т.е. внутреннее право социальных институтов или «*право в себе*». Это факт нормативной онтологии социального, поскольку нормативность — системное свойство социального общения.

*Четвертое.* Социально-нормативная реальность лежит в основании правовой реальности. Внешней нормативной формой существования собственно правовой реальности является позитивное (установленное) право. Или «внешнее право» как явление формальной нормативности или политически и ценностно мотивированной структуры должного. В этом смысле формальная нормативность контекстуальна и конвенциональна.

*Пятое.* Правовая реальность обнаруживает свое фактическое юридическое существование в процессе реализации и применения норм позитивного права. А это есть не что иное, как действующее (или реальное) право, определяемое конкретными условиями и факторами осуществления правовых предписаний. Или «*применяемое право*» как явление фактической нормативности (или должного как реально-нормативного факта или фактически должного).

Отсюда вытекает основной тезис неклассической или новой социологии права: нормативно-должное (*юридическое*) и формально-должное (*правовое*) не тождественные категории. Их различие определяется различиями в основаниях и источниках нормативности права — первичных (социальных институтов) и вторичных (формальных институтов). То есть различие предмета классической и неклассической социологии права является феноменологическим, а не аналитическим. Оно содержательно, а не формально, структурно, а не функционально.

Нормативность социального — *универсальна*, нормативность правового — *конвенциональна*. Социальная нормативность — *первична*, формальная нормативность — *вторична*. Стандарты нормативности позитивного права — санкционированность, общеобязательность, формальная определенность и принудительность — производны от таких нормативных топик внутреннего права социальных институтов (*должного в сущем*), как регулярность,

<sup>33</sup> См.: Дюги Л. Государство, объективное право и положительный закон. СПб., 1901.

<sup>34</sup> В литературе по данному вопросу этот аспект существования и воспроизводства социальной реальности отмечен М. Ю. Осиповым: «Каким же образом связывается мир сущего и мир должного? Ответ очевиден, с помощью некоего инструмента, который одновременно бы принадлежал и миру сущего и миру должного. Право как раз и принадлежит такому миру» (Осипов М. Ю. Теория социально-правовых процессов: монография. М., 2011. С. 8).

Однако представление о том, что эта функция по определению принадлежит позитивному праву, на мой взгляд, не вполне корректно, поскольку позитивное право позитивно лишь в той мере, в какой оно адекватно нормативной природе самих социальных отношений как предмету формально-правового регулирования (см.: Элликсон Р. Ч. Порядок без права. М., 2017).

рефлексивность, устойчивость, структурированность, рекурсивность практик социального общения. Проблема воспроизводства нормативной модальности имплицитного права в нормативных модальностях эксплицитного права — это одновременно проблема и социокультурных границ, и эффективности нормативного воздействия, которое в рамочных определениях социологии права не сводится к формально-правовому регулированию. Оно включает в себя ментальные и когнитивные основания и условия социального общения, такие как общее мировоззрение, историческая память, стиль мышления, однородное коллективное воспитание (*paideia*) и культурные механизмы передачи накопленного опыта совместного существования и т.п., и различно для отдельных социальных формаций и исторических эпох.

Таким образом, *общий объект* неклассической социологии права — действительное, формальное и реальное право в их взаимных отношениях. Соответственно, *общий предмет* неклассической социологии права — действительное, формальное и реальное право в их взаимных определениях. *Базовый концепт* неклассической социологии права — имплицитное право или право социального института. *Основная тема дисциплины* — генезис и превращение социальной нормативности в формальную нормативность. *Содержание дисциплины* — социальные и культурные основания и границы позитивации внутреннего права социальных институтов конкретно-исторической эпохи.

Введение в оборот категории «*действительное право*» позволяет расширить диапазон понимания возможных дисфункций и несоответствий в системах юридической организации отношений. Действительное право — это реальное право, данное в его понятии. Это право нормативных границ самих социальных институтов, переступая которые формальное право зачастую не столько их регулирует, сколько разрушает. Проблема в том, что, разрушая другого, мы зачастую разрушаем самих себя. Позитивистски ориентированная социология акцентирует внимание прежде

всего на отклонениях действующего права от установленного права. Она не знает и ее не интересуют любые другие формы существования и присутствия права в социальной реальности, кроме формально установленного и фактически действующего права. Новая социология права исходит из противоположного понимания реальности права, рассматривая право в более сложном контексте культурно-исторических форм его существования и выражения. Концепт «*действительное право*» позволяет оценивать само позитивное право как нормативную систему, отвечающую или не отвечающую онтологическим основаниям социального порядка, т.е. праву социальных институтов или объективному праву в собственном смысле данного понятия и категории. Генеалогия правопорядка заключена в юридической генеалогии социального порядка.

3. *Структура научной дисциплины*. В основании дисциплинарной структуры «*социология права*» лежат два универсальных принципа, а именно предметный и методологический.

Право составляет общий объект исследования социальной, политической и юридической науки. Каждая из дисциплин располагает своими предметами, подходами и понятийным аппаратом в изучении данного явления, категории и института. Их научным результатом являются социальное, политическое и юридическое определения понятия права.

Право как объект юридического понимания и оценки получает отражение в системе юридических представлений о праве или концептов. Юридические концепты, в отличие от юридических понятий, не определяются, а социально переживаются. То есть правовая реальность — это концептуальная реальность. Совокупность концептов образует особый формат юридической науки — *когнитивную юриспруденцию*<sup>35</sup> (или юриспруденцию понимания права и отношения к праву).

Представления о праве лежат в основании юридической картины мира или системы юридических языков рассуждений о должном или недолжном порядке социальных отношений. То есть юридическая картина мира устанавливает социокультурные границы приемлемости

<sup>35</sup> См.: Медушевский А. Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 ; Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют реальность. М., 2014 ; Чилкот Р. Х. Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001.

или неприемлемости того, что есть и что не есть право. В этом плане юридическая картина мира является активным компонентом процесса правообразования или производства права. Юридическая картина мира — прежде всего и по определению — языковая и ментальная картина мира. В этом смысле правовая реальность — это также лингвистическая и дискурсивная реальность. И ее отображение в системе правовых норм и институтов (или юридических конструктов) также образует особый формат юридической науки — *институциональную юриспруденцию*<sup>36</sup> (или юриспруденцию языков правовых институтов).

Формирование социологии права связано и определяется границами междисциплинарного контакта социологии и юридической науки. Принимая во внимание разделение юридической науки в зависимости от своих базовых предметов исследования (представления о праве и правовые конструкции), логично воспроизвести дисциплинарную модель социологии права в симметричной модели; в формате *когнитивной социологии права* (или социологии восприятия, оценки и переживания наличия или отсутствия права) и *институциональной социологии права* (или социологии конструирования права в рамках определенной юридической картины мира).

Между когнитивной и институциональной социологией права имеет место и предметная, и функциональная связь. Юридический язык не только отражает и определяет, но и формирует и производит правовую реальность. Развитие юридического языка привязано к циклам развития государственно-правовых институтов. В этом смысле институциональная реальность такова, каков язык рассуждения о нормативно-должном порядке ее организации и деятельности в историческом контексте определенной эпохи.

Когнитивная и институциональная социология права составляют, в свою очередь, теоретико-методологическое основание социологии

политико-правовых реформ или социологии преобразований в системах организации власти, собственности и управления<sup>37</sup>. Процесс юридической объективации представлений о должном и недолжном порядке социальных отношений — это процесс определения и установления нормативных рамок социального и политического существования<sup>38</sup>.

Таким образом, процесс правообразования — это одновременно процесс производства и юридических представлений о должном поведении и юридических норм должного поведения. В его онтологии лежит публичное воображаемое, которое в самом себе включает все возможные и невозможные практики и порядки социального общения как нормативного общения, выраженные в образах и понятиях, ожиданиях и настроениях, мотивирующих и определяющих социальную реальность как правовую реальность. То есть реальность, обладающую по факту своего существования нормативными свойствами регулярности и повторяемости, стабильности и воспроизводимости в практиках повседневных социальных коммуникаций и обменов материальными и нематериальными предметами — вещами и услугами, идеями и ценностями, юридическими текстами, правами и обязанностями. Это сложный феномен, а значит, и комплексный объект научного исследования.

## 5. СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

Формирование любой научной дисциплины связано и определяется наличием собственных подходов и методов исследования своего предмета. Применительно к социологии права стандартная классификация ее дисциплинарного комплекса различает, во-первых, теоретическую и эмпирическую социологию права, во-вторых, фундаментальную и прикладную социологию права, в-третьих, публичную и корпоративную социологию права<sup>39</sup>, а также

<sup>36</sup> См.: Четвернин В. А., Яковлев А. В. Институциональная теория права. М., 2009; Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

<sup>37</sup> См.: Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М., 2005; Он же. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. М., 2008.

<sup>38</sup> См.: Бикбов А. Указ. соч.

<sup>39</sup> См.: Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни. М., 2016; Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. М., 2014; Липсет М. Политический человек. Социальные основания политики. М., 2015.

дескриптивную и прескриптивную (*описательную и нормативную*) социологию права<sup>40</sup>. Особый формат социологии права — критическая социология права.

Новая социология права по определению критическая социология, поскольку ее предмет — *феномен фиктивного права*, в котором позитивное право формально существует, но реально отсутствует. Аналитика критической социологии права существенным образом меняет представления о праве как системе формальных и санкционированных определений социального порядка. Реальность формального права и реальность действительного права — нетождественные категории.

Общая система социологически ориентированной юриспруденции (по предмету и методам исследования) включает два основных формата развития социологии права как научной и учебной дисциплины, а именно: классическую социологию права и неклассическую социологию права. *Классическая социология права* — социология формальных институтов. *Неклассическая социология права* — социология формальных институтов в их отношениях с социокультурными институтами. Пребывая в социальном пространстве между апологией и критикой наличного законопорядка, социология права стоит перед непростым моральным и политическим выбором — оставаться инструментом государственной политики или действительно быть индикатором гражданских требований и представлений о должном правопорядке.

Различие классической и неклассической социологии права в наиболее полном виде может быть представлено в постановке ряда фундаментальных проблем и тем юриспруденции: во-первых, проблемы и темы различий *пони-*

*мания и функционирования* права в отдельных социальных слоях (группах или стратах) традиционного и современного общества; во-вторых, проблемы и темы *кризиса социальной и формальной нормативности* в процессах юридической организации социальных отношений; в-третьих, проблемы и темы *развития общей системы* социологически ориентированной юриспруденции.

Ключевое место в общем объеме исследовательской проблематики здесь занимает тема возвращения к до(квази)современным формам и топикам социально-правового общения. Проблема не в сосуществовании в одном историческом времени и пространстве социально-правовой архаики и современного правопорядка, выражающего различные юридические картины мира, дискурсивные и институциональные практики. Проблема в четко обозначившейся тенденции вытеснения и перемещения на социальную периферию современных стандартов правового общения. Социокультурное измерение наличного правопорядка имеет фундаментальное значение в понимании действительных оснований и условий его развития и воспроизводства.

Рамочные определения социокультуры, или социальное воображаемое, обладают нормативным значением, поскольку оно либо открывает, либо закрывает историческую возможность изменения или перехода к новым формам юридического отношения и понимания действительности, т.е. ее концептуализации и позитивации. Социокультура порождает свое право и отрицает чужое право. Поэтому антропология права и социология права — пересекающиеся дисциплинарные системы как по своим предметам, так и своим исследовательским подходам.

<sup>40</sup> Различие состоит в эпистемологии языка дескриптивной и языка прескриптивной социологии права. Назначение языка дескриптивной социологии права заключается в описании того, что дано, а языка прескриптивной социологии права — в разъяснении (предписании) того, что должно быть. Оба языка являются выражением юридической культуры того или иного общества и того формата юриспруденции, в котором оно вырабатывает свое отношение и понимание правовой действительности, соответственно, доктринальной или теоретической юриспруденции. То есть юридический язык — это культурный феномен, язык социального общения конкретных сообществ. Отсюда проистекает различие языка национального права и языка международного права. Каждая социальная система говорит и рассуждает о праве на своем собственном языке, языке своей культуры. Марксистско-ленинская теория государства и права изначально вырабатывала свои определения в формате доктринальной юриспруденции, выдавая желаемое за действительное, а действительное за несуществующее. В этом смысле она была формальным продолжением политической религии или юридической теологией.

Социологически каждая этническая и конфессиональная группа может быть описана в терминах социального отношения и института. Или системы социального общения со своим субъектным составом и своей социокультурой. Или своими представлениями о юридически правильных или неправильных установках и стандартах поведения, внешнего и внутреннего, своих и чужих. Это феномен поведения в нормативных границах культуры понимания права (*дозволенного и запрещенного*) самой группой. Классическая социология права исключает из своего анализа концепт «*внутреннее социальное право*» (право группы и ее членов). В рамках позитивистской версии понимания права оно имеет маргинальный статус. Неклассическая (*культурно-исторически нагруженная*) социология права, напротив, выводит этот аспект существования правовой реальности из концептуальной тени<sup>41</sup>. Ее предмет — баланс формальных и неформальных правил в общей (социальной и культурной) системе юридической организации социальных отношений, динамика и границы вытеснения общего права партикулярным правом группы.

Традиционно-стратифицированное общество одновременно живет в логике двойного — официального и своего права (права сообществ). Так, социальный модус существования диаспор предполагает право диаспор. Или феномен юридической практики, в которой доминирует симбиоз формальных и неформальных правил группы. Гражданское общество — это общество, которое также стратифицировано. Вместе с тем юридически оно живет в системе однородного права. Здесь также имеет место проблема соотношения формального и неформального права. Однако в отличие от традиционного общества, гражданское общество — это общество, в котором доминирует общее формальное право над партикулярными правами отдельных сообществ. Сам по себе процесс дифференциации права и различения в его составе субъектов с различными формами культурной и правовой субъектности выражает реальные дискурсивные и формальные практики

организации социальных контактов и обменов. Важно другое. А именно политика исключения превращения процесса правовой дифференциации и автономизации в процесс правовой сегрегации и дискриминации социального порядка в целом.

Другая фундаментальная проблема социологии права заключается в том, что позитивное право или формальный правопорядок в реальной практике юридической организации социальных отношений либо отвечают требованиям социальной нормативности, либо не отвечают требованиям социальной нормативности. Сущность реального права заключается в его юридической двойственности — сосуществовании в его онтологии и нормативной структуре права внутреннего и внешнего, порождающего перманентный конфликт социального и формального в регулировании социальных отношений.

Именно здесь и лежит ключевая тема социологии права — кризисы правовых систем в целом и их отдельных составляющих<sup>42</sup>. Определение адекватности нормативных границ, оснований и условий действующего формально установленного правопорядка существующему социально-нормативному порядку — это проблема позитивного права, не столько адекватного формальным признакам, сколько проблема позитивного права, аутентичного собственным и действительным потребностям и юридического, и общественного развития. Нормы права здесь — минимальная часть того, в чем проявляется действительное право, его общая юридическая концепция и юридическая конструкция.

Новая социология права является выражением исторического процесса расширения аналитических границ и форм понимания и определения правовой реальности. Исходя из трехчленной формулы правовой реальности как культурно-исторического единства юридического языка, юридического дискурса и юридического текста, можно детализировать внутридисциплинарную классификацию социологии права на отдельные составляющие<sup>43</sup>: соответственно, социологию юридического языка, юри-

<sup>41</sup> См.: Введение в теорию социальных отклонений / В. Н. Кудрявцев, Ю. В. Кудрявцев [и др.]. М., 1986; Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сб. статей. М., 2006; Дугин А. Г. Этносоциология. М., 2011.

<sup>42</sup> См.: Медушевский А. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции; Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8.

<sup>43</sup> См.: Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex Russica. 2015. № 5. С. 7—20.

дического дискурса и юридического текста, т.е. социологию изменений, переходов и превращений феномена права в различных культурно-исторических контекстах его существования и выражения, при сохранении того юридического остатка, в котором прячется его метафизическая сущность.

Юридический язык, дискурс и текст — категории культурно-исторического порядка, одновременно структурные и функциональные элементы любой правовой системы любой исторической эпохи. Таким образом, в общей системе социологически ориентированной юриспруденции в рамочных определениях новой социологии права можно выделить наряду с ранее приведенными конструкциями дисциплины также структурную и эволюционную социологию права. Резонно возникает сакраментальный вопрос: «Что дают все эти классификации, определения и различения»? На него можно дать столь же сакраментальный ответ — актуальную потребность и возможность приблизиться хотя бы на йоту к пониманию юридической природы того явления, которое обозначается простым словом «право».

## РЕЗЮМЕ

Природа права связана с социальной нормативностью или собственной нормативной структурой социальных отношений, т.е. юридической грамматикой социального порядка. Это универсальное юридическое свойство социальных институтов, их внутреннее объективное право, позитивация которого делает формальное право действительно правом, безотносительно к каким бы то ни было изменениям его исторических форм. Нормативность социаль-

ного сохраняет идентичность феномена права в любой исторической культуре правового общения, в рамках которой, собственно, и вырабатывается конкретная правовая система. Это ее правообразующее ядро, существующее на пересечении доминирующих политических идей, социальных практик и культурных ценностей. Именно в этом смысле собственно юридическим источником позитивного права является само право в его объективно данных социокультурных формах существования и воспроизводства.

Междисциплинарный статус юридической науки определяется и лежит в границах культурно-исторической эволюции правовых форм социальной нормативности. То есть он связан с изменениями наличных систем юридической организации социальных отношений, условиями и границами превращения имплицитного права в эксплицитное. Возвращаясь к концепту «отсутствующая структура», с которого все и началось, можно сказать, что структура как категория и форма существования действительности присутствует везде и всегда. Она лишь меняет свои обличья в широком диапазоне возможных превращений — быть видимой и невидимой. В этом и состоит бесконечный метаморфоз движения права в цикле собственных эволюций и инволюций в определении того, что есть право и что не есть право. И культурно-историческая юриспруденция, и новая социология права как составная часть ее предмета и метода ориентированы на изучение этого мира скрытых и латентных, потенциальных и актуальных, видимых и невидимых аспектов сосуществования и развития социальных отношений и правовых институтов в единстве и разнообразии исторических форм и стилей юридического мышления.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. — М., 2014.
2. Бёрк П. Что такое культуральная история? — М., 2015.
3. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют реальность. — М., 2014.
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. — СПб., 2014.
5. Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. — М., 2010.
6. Власенко Н. А. Язык права. — Иркутск, 1997.
7. Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни. — М., 2016.
8. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). — М., 2013.

9. Гурвич Г. Философия и социология права. Избранные сочинения. — СПб., 2004.
10. Деев Н. Н. Государственность и этнополитическое развитие. Политические проблемы теории государства. — М., 1993.
11. Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — Т. 1. — Вып. 1. — СПб., 1993.
12. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М., 2010.
13. Дугин А. Г. Этносоциология. — М., 2011.
14. История понятий, история дискурсов, история метафор : сб. статей. — М., 2010.
15. Карбонье Ж. Юридическая социология. — М., 1986.
16. Качанов Ю. Эпистемология социальной науки. — СПб., 2007.
17. Кистяковский Б. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. — М., 1916.
18. Ковлер А. И. Антропология права. — М., 2002.
19. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. — М., 2009.
20. Корнев А. В. Социология прав. — М., 2015.
21. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. — М.-СПб., 2015.
22. Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. — СПб., 2015.
23. Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки. — М., 2016.
24. Лахман Р. Что такое историческая социология. — М., 2016.
25. Липсет М. Политический человек. Социальные основания политики. — М., 2015.
26. Макклоски Д. Риторика экономической науки. — М., 2015.
27. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М., 2007.
28. Мамут Л. С. Наука о государстве и праве: необходимость радикального обновления. — *Философские науки*. — 1989. — № 11.
29. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. — Т. 1. Основные институты и понятия. — М., 1970.
30. Медушевский А. Н. Социология права. — М., 2006.
31. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. — М., 2005.
32. Нерсесянц В. С. Право: множество определений и единство понятия // Советское государство и право. — 1983. — № 10.
33. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997.
34. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — М., 2010.
35. Орлова И. Б. Введение в социологию исторического знания. — М., 2009.
36. Осипов М. Ю. Теория социально-правовых процессов. — М., 2011.
37. Петражицкий Л. И. Теория государства и права в свете теории нравственности. — М., 2010.
38. Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. — СПб., 2015.
39. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. — М., 2010.
40. Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. — М., 2005.
41. Рулан Н. Историческое введение в право. — М., 2005.
42. Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 1999.
43. Современное правопонимание. — М., 2016.
44. Социология права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. — Т. 1—2. — М., 2014.
45. Сырых В. М. История и методология юридической науки. — М., 2012.
46. Тимошина Е. В. Л. И. Петражицкий vs Е. Эрлих: два проекта социологии права // Правоведение. — 2013. — № 5.
47. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. — М., 2012.
48. Четвернин В. А., Яковлев А. В. Институциональная теория права. — М., 2009.
49. Чилкот Р. Х. Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. — М., 2001.
50. Элликсон Р. Ч. Порядок без права. — М., 2017.
51. Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. — М., 2000.
52. Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция ? Проблемы изучения и преподавания. — М., 2012.
53. Эрлих О. Основоположение социологии права. — СПб., 2011.

54. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сб. статей. — М., 2006.
55. Яковлев А. М. Социальная структура общества и право. — М., 2009.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2017 г.

## THE LEGAL SCIENCE IN THE SYSTEM OF INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

**VEDENEV Yuriy Alekseevich** — Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

y-vedeneev@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, d. 9

**Review.** *The title of the article and its theme is inspired by the work *The Absent Structure* written by an Italian historian, cultural studies scholar and semiotician Umberto Eco (M., 2004). It is difficult to identify the main sphere of interest of the author of many texts devoted to a variety of topics – from cooking to describing the daily life of individual communities of different historical epochs – in terms of his scientific specialization. At the same time, his texts are recognizable by some elusive features determined by the existence of some common, though invisible, structures of understanding and perception of reality — its internal concept or attitude. The logic and content of the objects under study are arranged with regard to this phenomenon.*

*What relation does this have to the understanding of the logic of developing traditional and modern knowledge systems, including legal knowledge? In my opinion, the most direct one. Legal knowledge is an integral part of legal reality. Its movement is determined by its own processes of self-organization that are very far from divisions into the disciplines and professions, into which it was transferred by scientific and educational communities of specific epochs and cultures providing production and distribution of the knowledge based on the interests of its historical consumers.*

*Jurisprudence as a system of knowledge and a system of qualifications awarded in accordance with scientific degrees follows different principles. Manifestations of this distinction reveal themselves through an internal capacity of the legal knowledge to develop a variety of combinations of concepts and definitions at the intersection or beyond formal disciplinary systems. The development of interdisciplinary bodies of legal knowledge, such as sociology and anthropology of law, legal psychology, cultural and historical jurisprudence, etc., possible and conceivable combinations of objects, methods and languages of description and interpretation of phenomena of law and of the State, reflects and captures this process. It is interdisciplinary bodies of legal knowledge that, unlike authorized differentiation of systems of knowledge and professions, give a real picture of development, functioning and transition of social and legal institutions from one historical state to another responding to the cultural meanings and demands of a particular society and time.*

*The paper provided was an impudent attempt to respond to criticism against theoretical jurisprudence that had been expressed by Professor V.V. Lazarev in a number of articles during 2013-2015.<sup>44</sup>*

**Keywords:** *disciplinary links and processes, sociology-oriented jurisprudence, interdisciplinary complexes, epistemology of relation and recognition, juridical language and a juridical text, interdisciplinary nature and contextuality, cultural-historical jurisprudence, new sociology of law.*

## BIBLIOGRAPHY

1. Almond Gabriel A., *Verba Sydney*. The Civic Culture. — М., 2014.
2. Burke Peter. What is cultural history? М., 2015.
3. Bikbov Aleksandr. The grammar of order. Historical sociology of concepts that change reality. — М., 2014.
4. Bourdieu Pierre. Social space: Fields and practices. — St. Petersburg, 2014.
5. Varlamova N. V. A typology of legal understanding and modern tendencies in the development of law. — М., 2010.
6. Vlasenko N. A. The Language of Law — Irkutsk, 1997.
7. Vnuk-Lipinsky Edmund. Sociology of public life. — М., 2016.
8. Gadzhiev G. A. Ontology of law (a critical study of the legal concept of reality). — М., 2013.
9. Gourvitch G. Philosophy and Sociology of Law. Selected Essays. — St. Petersburg, 2004.

<sup>44</sup> See, for example: Lex Russica. 2013. Vol. 2; 2015. Vol. 11.

10. *Deev N. N.* Statehood and ethnopoltical development. Political problems of the theory of the state. — М., 1993.
11. *Johnson T., Dandeker K., Eshort K.* Theoretical sociology: conditions of fragmentation and unity // THESIS. Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems. — Т. 1. — Issue. 1. — St. Petersburg, 1993.
12. *Dugin A. G.* Sociology of Imagination. Introduction to structural sociology. — М., 2010.
13. *Dugin A.G.* Sociology of imagination. An introduction to structural sociology. -М., 2010.
14. History of concepts, the history of discourses, the history of metaphors: Sat. Articles. — М., 2010.
15. *Carbonnier Jean.* Legal sociology. -М., 1986.
16. *Kachanov Yu.* Epistemology of the Social Science. — St. Petersburg, 2007.
17. *Kistyakovskiy B.* Social Sciences and Law. Essays on the methodology of social sciences and general theory of law. — М., 1916.
18. *Kovler A. I.* Anthropology of law. — М., 2002.
19. *Collins R.* Four sociological traditions. — М., 2009.
20. *Kornev A. V.* Sociology of Law. — М., 2015.
21. *Coase R.* Essays on economics and economists. — М.-СПб., 2015.
22. *Kromm M. M.* An introduction to the historical comparative studies. — St. Petersburg, 2015.
23. *Lazarev, V. V., Lypen, S. V.* History and methodology of legal science. -М., 2016.
24. *Lachmann Richard.* What is historical sociology? -М., 2016.
25. *Lipset M.* Political man. Social foundations of politics. — М., 2015.
26. *McCloskey D.* Rhetoric of Economic Science. — М., 2015.
27. *Maltsev G. V.* Social grounds of law. — М., 2007.
28. *Mamut L. S.* The science of the state and law: the need for radical renewal. — Philosophical sciences. — 1989. — № 11.
29. Marxist-Leninist general theory of state and law. — Т. 1. The main institutions and concepts. — М., 1970.
30. *Medushevsky A. N.* Sociology of law. — М., 2006.
31. *Medushevsky A. N.* The theory of constitutional cycles. — М., 2005.
32. *Nersesyants V.S.* law: a set of definitions and the unity of the concept // Soviet state and law. — No. 1983. No. 10.
33. *North D.* Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. — М., 1997.
34. General theory of law and the state / ed. V.V.Lazarev. — М., 2010.
35. *Orlova I. B.* An introduction to the sociology of historical knowledge. -М., 2009.
36. *Osipov M. Yu.* Theory of social and legal processes. — М., 2011.
37. *Petrzhitskiy, L. I.* Theory of State and Law in the Light of the Theory of Morality. — М., 2010.
38. *Potapova N.D.* Linguistic turn in historiography. — St. Petersburg, 2015.
39. Problems of the general theory of law and the state / ed. V.S. Nersesyants. — М., 2010.
40. Problems of the theory of state and law / ed. M. N. Marchenko. — М., 2005.
41. *Rulan Norbert.* A Historical Introduction to the Law. -М., 2005.
42. *Rulan Norbert.* Legal anthropology. -М., 1999.
43. Contemporary understanding of law. -М., 2016.
44. Sociology of law: a course of lectures / ed. M. N. Marchenko. — Т. 1—2. — М., 2014.
45. *Syrykh, V. M.* History and methodology of legal science. -М., 2012.
46. *Timoshina E. V. L. I.* Petrazhitskiy vs. E. Ehrlich: two projects of the sociology of law // Jurisprudence. — 2013. — No. 5.
47. *Cherdantsev A. F.* Logico-linguistic phenomena in jurisprudence. — М., 2012.
48. *Chetvemin V. A., Yakovlev A.V.* Institutional Theory of Law. — М., 2009.
49. *Chilkot R. Kh.* The theory of comparative political science. In search of a paradigm. — М., 2001.
50. *Ellikson Robert C.* Order without Law. — М., 2017.
51. *Endrain Charles F.* Comparative Analysis of Political Systems. — М., 2000.
52. Encyclopedia of jurisprudence or integral jurisprudence? Problems of 53. study and teaching. — М., 2012.
53. *Erllich O.* The basis of the sociology of law. — St. Petersburg., 2011.
54. Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences: Sat. Articles. — М., 2006.
55. *Yakovlev A. M.* Social structure of society and law. — М., 2009.